

Гэри Снайдер

ХУРМА МУЦИ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Американский поэт Гэри Снайдер родился в 1930 году. Его детство и юность прошли на северо-западе Америки, в Орегоне и Вашингтоне. В молодости Снайдер работал лесорубом, наблюдателем пожарной службы, матросом на океанских судах, прокладчиком троп в национальных парках. Интересовался фольклором североамериканских индейцев, восточной поэзией и буддизмом. Изучал китайский и японский в Калифорнийском университете в Беркли. Участвовал в знаменитом поэтическом вечере 7 октября 1955 года в Шестой галерее в Сан-Франциско, о котором говорят обычно как о «начале калифорнийского поэтического ренессанса». Этот период жизни Снайдера, его дружба с другими поэтами бит-поколения, блестяще описаны Джеком Керуаком в романе «Бродяги Дхармы», где Снайдер выведен под именем Джеффи Райдера. В 1955 году Снайдер в первый раз уезжает в Японию, где изучает дзен и ведет жизнь поэта и буддистского монаха. Попеременная жизнь в Японии и Калифорнии продолжается до 1969 года. Вернувшись в Штаты, Снайдер поселяется в предгорьях Сьерра-Невады, в доме под названием Киткитдиззи. Пишет многочисленные очерки о поэзии, культуре, защите природы. Принимает активное участие в природоохранной деятельности, преподает в Калифорнийском университете в Дэвисе.

Я перевожу стихи Снайдера уже довольно много лет, и мне кажется, что в последнее время я стал по-настоящему его понимать. В эту подборку я включил много таких стихотворений, в которых остановка и поворот ума, словно вспышка, происходят прямо внутри стиха, и потом проживаются снова и снова, при каждом прочтении. Это и есть настоящий дзен — в традиции, идущей от великих японских поэтов.

ТОНКИЙ ЛЕД

Теплым февральским днем
После долгой стужи
На старой лесовозной дороге
Вблизи от горы Сумас
Срезав ольховую палку
Глядя вниз сквозь облака
На сырые поля Нуксака —
Я наступил на лед
Большущей замерзшей лужи.
Он затрещал,
Белый воздух вышел
Наружу, длинные трещины
Рассекли черноту,
Ботинки на рифленной подошве
Заскользили по гладкому льду
— как по тонкому льду — внезапное
Чувство реальности старой фразы —
Мгновенье замерзших листьев
Ледяная вода и посох в руке.
«Как по тонкому льду» —
Я закричал, обернувшись к товарищу,
Лед сломался, и я провалился
На восемь дюймов.

ЗАСУШЛИВЫЙ ДЕНЬ ПЕРЕД НАЧАЛОМ СЕЗОНА ДОЖДЕЙ

Пили прошедшей ночью
и позапрошлой тоже

Говорили кричали смеялись
может быть мне пойти домой почитать

«Только *не оставляй* меня одну
сделай что-нибудь с этим»
сын хозяйки слушает нас
через окошко в задней стене

Воскресное утро, ноябрь, полно птиц
пара красноногих дятлов
на персиковом дереве
расправленные крылья
видно какие они ярко-белые снизу
коноплянки щелкают зерна в кормушке

Я не настолько пьян
похоже этой ночью продолжим
весь этот год: глицинии после дождя
цветущие персики, мы пели всю ночь
спали на полу
я вернулся в августе
после работы в Сьерре
холодный туман, засуха
листья опадают с фруктовых деревьев

И неожиданный дождь.
запах горелых листьев.
оранжевые ягоды, красные ягоды
внезапно прыгнувший кот
—я его знаю—
пчелы гудят в цветах
этот теплый и трезвый день

Удивляюсь зачем я все это сказал

**ВСЕ ЛЕЖАТ НА ЖИВОТАХ,
ГОЛОВАМИ К СВЕЧЕ,
ЧИТАЮТ, СПЯТ, РИСУЮТ**

По гофрированной крыше
Стучат и исчезают в долгой ночи

миллионы
мятущихся капель
шквал налетел и вдруг

снаружи

молния

Как фотография в мозгу
Изогнутый ветром бамбук.
через

ставни
затвора

Приоткрытые в вечность

**УИЛЬЯМУ ПЕТЕРСОНУ
ПРИ ПОДЪЕМЕ НА ГОРУ ХИЭЙ
ПО СВЕЖЕМУ СНЕГУ**

Нет никакой тропы,
по которой можно идти:
следы кабана уводят по склону
в чашу бамбука.

Там, где мы только что шли,
холм поднимается вверх.

Бриджи защитного цвета,
рабочие сапоги с отдельным пальцем,

мы поем и свистим; коричневый вол
спускает навстречу тонкие бревна,
вязнет в мокром снегу
за Серебряным павильоном.

ряды туманных холмов,
сердце бьется сильнее —
над заснеженным садом
из Сибири дуют
весенние ветры.

РАДОСТЬ ЛОДОК

Танцевать на взморье
Тусоваться в бухтах
Вальсировать на привязи
Качаться на волнах
Тереться друг о друга
С запахом моллюсков
Отдаваться шторму
Пробежать сквозь пену
Ослепнуть на ветру

КАК ЕМУ ХОЧЕТСЯ

Высоко над куполом
Капитолия
— И это правда!
Парит большая птица
Расправив крылья
Под белым облаком
Легко скользя
В этом влажном южном

пропитанном солнцем бризе
— полицейский в черном
следит за машинами

А центр,
Центр власти пуст!
В нем ничего нет.
Старые белые каменные купола
Странные тихие люди

Небо, земля и птица
Лениво переплетаются

Мир живет как ему хочется.

Вашингтон D.C. XI: 73

ДЛЯ ЛЬЮ / ОТ НЕГО ЖЕ

Лью Уэлч вернулся однажды,
живой, словно ты и я. «Черт возьми, Лью, —
сказал я ему, — разве это не ты застрелился тогда?»
«Да, это я», — сказал он,
и холодок пробежал по моей спине.
«Да, это ты, — сказал я, — я это понял теперь».
«Знаешь, — сказал он, —
наши миры почему-то боятся друг друга,
я не могу понять, почему.
Я пришел, чтобы сказать тебе:
детям надо рассказывать о кругах.
О кругах жизни. О кругах вообще.
Все из них, и все позабыто».

ДОМ БРЭЙКЕРА НА ПЕРЕПРАВЕ БУНС

Всю ночь продолжается
лягушачий концерт
белые утки крикают на пруду
сиамская кошка орет в тепле
горячий уют стучит по сырым рубашкам
сырые дрова трещат но горят
четыре котенка и ревущий младенец
в коробках рядом с плитой.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЕДИТАЦИЯ

Скалы мучительно
скручиваются,
Трещат, осыпаются,
Слои и прожилки
корчатся
Кипят, остывают, один к одному,
Плывут легко и свободно,
С незначительным весом деревьев,
мимолетных созданий,
Покрываются влажной почвой,
Живут друг для друга.

Материя втиснута в жизнь,
Она галлюцинирует, и удивленные
молекулы в конце концов
образуют цепочки,
Невероятные, все испытавшие,
Неужели они реальны?
Горы обмякли, как слизняки.

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Дождь:

Все время каплет с карниза.
Ручеек течет по стене,
Одеяла лежат в сухом углу,
Мокрые джинсы свисают
С рабочих ботинок,
Стоящих на токонома.

Читаю японские стихи Рексрофа.
Мокрый велосипед на крыльце.
Уолт Уитмен, Хитомаро, Хань Шань
Здесь, в Беркли, в дождливом
Декабре, в двадцатом столетии, в этом
Городе — в веке мировых войн,
И *отсюда* —

Джаз

Ночных улиц, и все эти люди
Возникают из той же самой любви,
Из холодных глаз,
Тогда и сейчас.

Гранитная сьерра, полки и книги.
Священные строки бесцельно
Летят сквозь годы
И сквозь века —

Звездные небеса Аристотеля,
Алмазное милосердие
Вечных капель дождя.

ХУРМА МУ ЦИ

*Лучшее средство от голода — рисовая лепешка.
Догэн, ноябрь 1242*

На задней стене в конце зала
возле стеклянной двери
свиток великой картины Му Ци
«Шесть плодов хурмы»
Он спокойно висит на шнурах,
свисающих сверху.
Самая лучшая в мире
хурма, думаю я.
Совершенство пустоты
ничего кроме формы
черенок и ветка оставлены
и сегодня ее
именно так продают на рынке.
Оригинал хранится в Киото,
в славном храме Риндзай, где его
выставляют один раз в год
это прекрасная копия Бенридо
Я выбрал подвеску
по совету специалиста
и вывешиваю ее каждую осень.
А сейчас я займусь
перезрелой хурмой
из сада Майка и Барбары.
Салфетка в руке,
я наклоняюсь над раковиной
и сосу сладкий оранжевый сок
как я люблю это делать
с веткой в руке
эта хурма на картине
верное средство от голода

*Предисловие и перевод с английского
Андрея ЩЕТНИКОВА*